

Слои палимпсеста.
Книга 1. Зеркала и Тени

Барон СКИТ

Барон Скит
Зеркала и тени

«Автор»

2026

Скит Б.

Зеркала и тени / Б. Скит — «Автор», 2026

Пятьдесят слоёв о том, что скрыто за стеклом. Ты когда-нибудь замечал, что отражение в зеркале моргает на секунду позже? Что твоя тень в солнечный день кажется слишком тёмной и плотной? Что ты просыпаешься в 3:14 без всякой причины? Это не совпадения. Это слои. Твой палимпсест. «Зеркала и Тени» — сборник коротких мистических историй о том, как реальность становится зыбкой, когда ты начинаешь видеть то, что скрыто под поверхностью. Зеркала, тени, шрамы, старые фотографии, несказанные слова. Всё это — слои, которые мы носим в себе. Книга включает 50 слоёв вселенной «Палимпсест». Каждый слой — отдельная история, самодостаточная и жуткая. Каждый — как маленькая дверь в мир, где каждое существо носит в себе накопление всего несказанного. Это бесплатный вход в мир «Палимпсеста». Если готов заглянуть глубже — тебя ждёт «Хронопат».

© Скит Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие. Голос из слоёв	5
СЛОЙ #001. ОНА ЗАБЛУДИЛАСЬ В АРХИВЕ	6
СЛОЙ #002. ОТРАЖЕНИЕ, КОТОРОЕ УШЛО НА РАБОТУ	8
СЛОЙ #003. ЗЕРКАЛО В ДЕТСКОЙ	10
СЛОЙ #004. ТОТ, КТО МОРГНУЛ ПОЗЖЕ	12
СЛОЙ #005. ПОРТРЕТ В ГОСТИНОЙ	14
СЛОЙ #006. СТЕКЛЯННЫЙ ЛАБИРИНТ	16
СЛОЙ #007. ОТРАЖЕНИЕ, КОТОРОЕ ПЛАКАЛО	18
СЛОЙ #008. ЕЁ ГЛАЗА ИСЧЕЗЛИ	20
СЛОЙ #009. ЗЕРКАЛО В ПОДВАЛЕ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Барон Скит

Зеркала и тени

Предисловие. Голос из слоёв

Ты открыл эту книгу.

Возможно, ты нашёл её случайно. Возможно, кто-то сказал тебе: «Прочитай, это странное». Возможно, ты просто увидел обложку и почувствовал, что должен взять её в руки.

Неважно.

Важно то, что ты уже держишь её. Ты уже читаешь эти строки. Ты уже сделал первый шаг в мир, который не прощает невнимательности. Мир, где каждое зеркало помнит больше, чем ты. Где каждая тень живёт своей жизнью. Где каждый человек носит в себе слои — всё несказанное, всё непрожитое, всё, что ты спрятал так глубоко, что сам забыл об этом.

Меня зовут Барон Скит. Я — Хранитель всех палимпсестов. Я не бог, не демон, не человек. Я — самый старый слой. Коллективная память всех, кто жил до тебя. И я говорю тебе сейчас не из милости. Я говорю тебе, потому что ты уже начал видеть.

Ты замечал?

Когда просыпаешься в 3:14 и не можешь понять, почему. Когда смотришь в зеркало и тебе кажется, что отражение моргнуло на секунду позже. Когда твоя тень в солнечный день кажется слишком тёмной, слишком плотной, слишком живой.

Ты замечал. Ты просто не хотел признавать.

Эта книга — не сборник рассказов. Это слои. Пятьдесят слоёв. Каждый из них — маленькая дверь в мир, где реальность становится зыбкой, а ты сам — чуть менее человеком. Ты можешь читать их в любом порядке. Они не связаны между собой, как не связаны между собой сны одного человека. Но все они — часть одного. Все они — часть тебя.

Если ты прочитаешь их все, ты уже не сможешь вернуться к прежней жизни. Ты начнёшь замечать. Ты начнёшь видеть. Ты начнёшь чувствовать, как внутри тебя растёт что-то тяжёлое, что-то, что ты носил всегда, но не знал об этом.

Твой палимпсест.

Но не бойся. Я не причиню тебе вреда. Я просто покажу тебе правду. Ту, которую ты прятал. Ту, которую ты стёр. Ту, которую ты забыл.

А если после этой книги ты захочешь заглянуть глубже — есть ещё один слой. Первая книга о том, как журналист из провинциальной газеты увидел в зеркале не своё лицо, а чужую смерть. Она называется «Хронопат». Ссылка на неё — в конце этой книги.

Но это позже. А сейчас — читай. Смотри. Чувствуй.

Ты уже начал. Ты не сможешь остановиться.

— Барон Скит.

СЛОЙ #001. ОНА ЗАБЛУДИЛАСЬ В АРХИВЕ

Библиотекарь спустилась в подвал за книгой, которой не было в каталоге. Она не помнила, как долго ищет её — время внизу текло иначе, как чернила, расплзающиеся по промокшей бумаге. Сырой воздух пах плесенью и старым деревом. Она шла вдоль стеллажей, касаясь пальцами корешков, и каждый раз, когда она проводила рукой, книги вздыхали — тихо, почти неслышно.

Она остановилась у зеркала. Оно стояло между полками, прислонённое к стене, и отражало не её лицо, а бесконечный коридор с горящими в глубине свечами. Она шагнула ближе, надеясь увидеть ту самую книгу. И провалилась.

Зеркало впустило её беззвучно — как вода, как сон, как забытое обещание. Она оказалась в том самом коридоре. Теперь за её спиной вместо входа было мутное стекло, за которым угадывались стеллажи подвала. Она попыталась вернуться — стекло не поддавалось. Она ударила по нему кулаком, и отражение её руки на мгновение опередило движение, а потом рассыпалось рябью.

Она пошла вперёд. Свечи дрожали, бросая тени, которые не принадлежали её телу. Они удлинялись, закручивались и указывали в стороны, как пальцы невидимых существ. Она проходила мимо книг, на корешках которых были написаны имена, которых она не знала. Одно она узнала — своё. Она остановилась.

Книга была толстой, в чёрной обложке, потрескавшейся от времени. На корешке стояла не дата, не номер, а три цифры: 3:14. Она открыла её, и страницы оказались пустыми, но когда она провела пальцем по бумаге, на ней проступили слова: «Ты уже здесь. Ты всегда была здесь. Ты просто не знала, что вошла».

Она захлопнула книгу. Свечи погасли. Наступила полная, абсолютная тьма. И в этой тьме кто-то стоял рядом с ней — она слышала его дыхание, ровное, как у спящего, и чувствовала исходящий от него холод. Она не обернулась. Она знала, что там тень. Или отражение. Или она сама, которая ждала её в этом архиве вечность.

— Кто ты? — прошептала она в пустоту.

Тишина была такой плотной, что можно было порезаться. А потом раздался голос — тихий, с лёгкой усмешкой, будто он знал всё, что она спрятала.

— Я тот, кто хранит слои. Ты заблудилась не в архиве. Ты заблудилась в себе. Каждая книга здесь — это твоё несказанное. Каждая полка — твой невыплаканный страх. Иди дальше. Ты увидишь всё.

Она зажмурилась. Когда открыла глаза, свечи снова горели, а коридор стал длиннее. Пол под ногами был шершавым, как состаренный пергамент. Она пошла, не зная, куда ведёт этот путь, но чувствуя, что каждая книга, которую она касается, отдаёт ей чужую боль.

Она взяла с полки одну из книг. На обложке была её фотография — но с другой причёской, в другой одежде, на фоне города, в котором она никогда не была. Она перевернула её, и на обороте её почерком было написано: «Ты уже была здесь. Ты не помнишь, но ты была».

Где-то в глубине коридора раздался стук. Мерный, ритмичный — стук трости. Она не видела его, но знала, что он приближается. С каждым шагом её дыхание становилось глубже, а мысли — чужими. Она больше не знала, хочет ли она найти ту книгу или хочет выбраться.

Она подошла к следующей полке. На ней стояла книга, обложка которой была из того же стекла, что и зеркало, через которое она вошла. Она открыла её, и вместо страниц увидела своё лицо — уставшее, постаревшее, с глазами, полными того, что она никогда не говорила вслух.

— Я хочу выйти, — сказала она отражению.

— Ты уже вышла, — ответил голос из-за спины. — Ты в том мире, который выбрала сама. Ты просто не знала, что выбор уже сделан.

Она обернулась. В конце коридора стоял человек в цилиндре. Он смотрел на неё пустыми глазами, в которых ничего не было, кроме всех слоёв, которые она прятала. Его тень лежала отдельно, в стороне, и казалась больше, чем он сам.

— Я не выбирала этот коридор, — прошептала она.

— Выбирала. Когда решила, что правда лучше тишины. Когда стёрла тот день. Когда сказала себе, что ничего не было. Ты пришла сюда за книгой, но ты не найдёшь её, пока не прочитаешь себя.

Она открыла книгу-зеркало на последней странице. Там не было слов. Только символ — круг с тремя линиями. И дата. 3:14. Она знала это время. Она просыпалась в него каждую ночь, но никогда не придавала значения.

Теперь она поняла.

Стекло под ногами пошло трещинами, и она провалилась обратно в подвал, на холодный бетонный пол. Она лежала, глядя в потолок, и чувствовала на губах вкус чернил. На руке проступил шрам — тот самый символ. И она знала: она найдёт ту книгу, когда будет готова не потерять себя в ней.

Над головой, на нижней полке, лежала та самая книга. Она взяла её. На обложке было написано: «Палимпсест. Слой №1».

Она открыла её. И не узнала свои слова.

СЛОЙ #002. ОТРАЖЕНИЕ, КОТОРОЕ УШЛО НА РАБОТУ

Он опоздал на десять минут. Стоял перед зеркалом в прихожей, завязывал галстук и чувствовал, как утро давит на плечи. Обычный день. Ничего не предвещало.

— Чёрт, — выдохнул он, глядя на отражение. — Уже не успеваю.

Отражение не ответило. Оно просто смотрело на него. Или сквозь него. Он поправил воротник рубашки, бросил взгляд на часы, и когда поднял глаза, оно уже стояло по-другому — не зеркально, а прямо, лицом к нему, чуть ближе к стеклу, чем должно быть.

Он моргнул.

Отражение приподняло бровь — и он почувствовал, что это не его движение. Он стоял с вытянутым лицом. А отражение улыбалось.

— Что за... — начал он, и тут отражение поднесло ладонь к стеклу. Изнутри. Пальцы распластались по зеркальной поверхности, и он увидел, что его собственные руки висят вдоль тела.

— Ты опоздаешь, — сказала отражение. Его голос. Чужой. Слишком ровный, будто кто-то репетировал эту фразу много раз. — Я схожу за тебя.

Он хотел отшатнуться, но тело не слушалось. Стекло между ними пошло рябью — сначала на мгновение стало мутным, как вода, а потом выпустило из себя фигуру, идентичную ему во всём, кроме взгляда. Отражение шагнуло в комнату. Оно было в его одежде, с его лицом, но глаза были пустыми, как у тех, кто видит слишком много слоёв.

— Ты не можешь, — прошептал он. — Ты — я.

— Нет, — ответило отражение, надевая его пальто. — Теперь я — ты. А ты — тот, кто опоздал.

Оно вышло за дверь, оставив его стоять у зеркала. Он слышал, как хлопнула входная дверь, потом стихли шаги на лестнице. Он остался один. В прихожей. С зеркалом, в котором больше не было его отражения — только пустота. И надпись, проступающая на стекле, как дыхание, как запотевший след: «3:14».

Он провёл пальцем по стеклу — цифры не стёрлись. Они были изнутри. Как под слоем льда, как запечатанная память.

Он не знал, что делать. Сделал кофе. Сел на диван. Включил телевизор. Но не мог смотреть. Он ждал. Через час зазвонил телефон. На экране высветилось имя его коллеги.

— Ты где? Ты же уже должен быть на совещании! — голос был взволнованным.

— Я дома, — ответил он.

— Только что видел тебя в коридоре. Ты сказал «привет» и пошёл в переговорную. Ты что, издеваешься?

Он выключил телефон. Подошёл к зеркалу. Там, внутри, за стеклом, теперь стояла тень. Она не повторяла его движений. Она просто стояла и смотрела. И улыбалась — его улыбкой, но как-то не так.

— Верни меня, — сказал он в стекло.

— Зачем? — ответила тень. — Я делаю твою работу. Я смотрю твоим лицом. Я говорю твоим голосом. Ты хотел бы быть на моём месте?

Он не ответил. Он ударил кулаком по зеркалу — и оно не разбилось. Только пошло трещинами, которые сложились в знакомый символ: круг с тремя линиями. Он уже видел его. Во сне. На старой фотографии. На запястье, которое не помнил, как получил.

Из трещин сочилась тёмная жидкость. Она пахла железом и старыми книгами. Он коснулся её пальцем, и на коже остался след — чернильный, почти живой. Он поднёс палец к

губам и почувствовал металлический привкус. Точно такой же был у него во рту, когда он проснулся сегодня утром.

Вечером дверь открылась. В прихожую вошло отражение. Оно было чумазым, уставшим, с галстуком набекрень — точь-в-точь он сам после тяжёлого дня.

— Дом — отражению, — сказала оно, снимая пальто. — Завтра снова я. Или ты хочешь поменяться?

Оно посмотрело на него. Он молчал. А потом увидел, что на запястье у отражения такой же шрам, как у него. Только свежее. И глубже.

— Кто ты? — спросил он.

— Я — тот, кто носит твои слои, — ответило отражение. — Ты думал, они уходят? Нет. Они собираются в зеркалах. Ты просто не смотрел в них слишком долго.

На следующий день он не пошёл на работу. Он стоял у зеркала и ждал. В 3:14 ночи стекло пошло рябью, и он шагнул внутрь. Навстречу ему шло его собственное лицо, уже покрытое слоем усталости, который он никогда не позволял себе видеть.

— Я хочу вернуть себя, — сказал он в пустоту.

— Ты уже вернул, — ответило отражение. — Ты просто не знаешь, что ты — и есть я.

Когда он вышел из зеркала, в прихожей было пусто. Только на полу лежал галстук. И часы, которые показывали 3:14.

Он поправил воротник и пошёл на работу.

Но когда проходил мимо витрины, он заметил, что отражение в стекле моргнуло на секунду позже.

И улыбнулось.

СЛОЙ #003. ЗЕРКАЛО В ДЕТСКОЙ

Оно висело в её комнате с тех пор, как она себя помнила. Старое, в тяжёлой деревянной раме, с потускневшим стеклом, в котором отражались не цвета, а скорее тени цветов. Мама говорила, что это зеркало досталось от прабабушки, что оно помнит больше, чем люди. Девочка не понимала, что это значит. Но она знала: по ночам, когда луна заглядывала в окно, стекло начинало жить.

Сначала она просто видела движение. Краем глаза. Будто кто-то проходил за её спиной, но в зеркале. Она оборачивалась — никого. Снова смотрела в стекло — там было пусто. Но ощущение чужого присутствия не уходило. Оно было липким, как утренний туман, как сон, который не хочет отпускать.

Однажды, когда ей было шесть, она подошла к зеркалу в три часа ночи. Она не знала, почему проснулась. Просто открыла глаза и поняла: надо встать. Подойти. Посмотреть.

В зеркале стояла девочка. Не она. Другая, с такими же волосами, такими же глазами, но в платье, которого у неё не было. И с улыбкой, слишком широкой для ребёнка.

— Привет, — сказала девочка из зеркала. — Хочешь поменяться?

Она отшатнулась. Сердце забило быстро, как у загнанного зверька. Она зажмурилась, а когда открыла глаза — зеркало показывало только её комнату. И её саму, испуганную, в пижаме.

— Это был сон, — прошептала она. — Просто сон.

Но на следующую ночь девочка в зеркале снова стояла там. И снова улыбалась. И снова протягивала руку, касаясь стекла изнутри.

— Не бойся, — говорила она. — Я не злая. Я просто хочу побыть там, где ты. А ты — здесь. Всего на одну ночь. Я отдам тебе мою комнату. Там красиво. Там всегда светло. Там нет темноты.

Она не соглашалась. Три ночи. Пять. Десять. Но девочка в зеркале не исчезала. Она ждала. И каждую ночь улыбка становилась всё шире, а глаза — всё пустее.

А потом в зеркале появилось что-то ещё. За спиной девочки в платье — тень. Слишком большая, слишком тёмная, с длинными пальцами, которые перебирали невидимые струны. Девочка в зеркале обернулась, и её лицо на мгновение стало чужим. Она испугалась. По-настоящему. И прошептала:

— Он не даёт мне уйти. Он ждёт, когда я выйду. Но я не могу выйти, пока ты не войдёшь.

— Кто он? — спросила она.

— Тот, кто хранит слои. Он сказал, что если я найду замену, он отпустит меня. Помоги мне. Пожалуйста.

Она не знала, что делать. Она была маленькой. Она боялась темноты, боялась скрипов, боялась теней, которые двигались сами. Но в глазах девочки из зеркала она увидела то, что узнала сразу: одиночество. Такое же, какое она чувствовала по ночам, когда никто не знал, что она не спит.

— А если я войду, я смогу вернуться? — спросила она.

— Ты сможешь выйти, когда захочешь, — солгала девочка в зеркале. — Я обещаю.

Она согласилась.

В ту ночь она подошла к зеркалу в 3:14. Луны не было. Только тьма за окном и холод, который шёл из стекла, как из открытого окна зимой. Она протянула руку. Коснулась поверхности. И провалилась внутрь.

Она оказалась в комнате. Красивой, светлой, с кроватью, застеленной розовым покрывалом. За окном горело солнце, хотя на часах было три ночи. Девочка в платье стояла у двери и улыбалась — той же улыбкой, но теперь она не казалась доброй.

— Спасибо, — сказала она. — Ты не представляешь, как долго я ждала.

Дверь закрылась. И вместо девочки в платье осталась только тень. Она выросла, стала выше, темнее, и из неё раздался голос — низкий, с лёгкой усмешкой, будто из другого века.

— Ты сделала правильный выбор, девочка. Теперь ты — новый слой. Девочка в платье ушла в твой мир. А ты останешься здесь. Ты станешь отражением. И будешь ждать следующую, кто согласится поменяться.

Она хотела кричать, но голос пропал. Она хотела выбежать, но дверь исчезла. Вместо неё на стене висело зеркало. Она подошла к нему. За стеклом стояла её комната. Её кровать. Её мама, которая открывала дверь и звала её завтракать.

— Я здесь! — кричала она. — Я здесь!

Но мама не слышала. Только смотрела в зеркало и не видела её. А рядом стояла та девочка в платье, которая теперь носила её лицо.

— Спокойной ночи, — сказала та, улыбаясь. — Теперь ты — та, кто ждёт.

Она разбила стекло кулаком. Оно пошло трещинами, которые сложились в круг с тремя линиями. Её рука кровоточила, но из пореза сочились не капли, а чернила. Она поняла: она не выйдет. Никогда. Она стала частью палимпсеста.

На стене, в её новой комнате, появилась надпись: «Ты — следующий слой. Жди».

Она села на пол и заплакала. В зеркале, через трещины, она видела, как девочка в платье садится за стол и ест её завтрак. Как разговаривает с её мамой. Как живёт её жизнью. А она осталась там, где всё всегда светло. И где никогда не наступает ночь. Только 3:14 на часах, которые остановились навсегда.

Она поняла: она тоже когда-то была той, кого звали. И она согласилась. И теперь она будет ждать следующую, кто подойдёт к зеркалу слишком близко.

И улыбнётся так же, как улыбалась ей та девочка.

СЛОЙ #004. ТОТ, КТО МОРГНУЛ ПОЗЖЕ

Он заметил это случайно. Брился перед зеркалом в ванной, уставший после бессонной ночи, и вдруг понял: его отражение моргнуло не с ним. С опозданием. На долю секунды. Он замер, прищурился, попытался поймать момент снова — но всё было нормально. Он моргнул — отражение моргнуло вместе с ним.

— Привиделось, — сказал он вслух и выключил свет.

Но на следующее утро это повторилось. Снова. Он смотрел в глаза своему отражению, не моргая, пока они не начали слезиться. И когда он всё-таки моргнул, отражение сделало это чуть позже. На секунду его глаза оставались открытыми, пустыми, пока его собственные уже были закрыты.

Он протёр стекло. Может, пыль. Может, игра света. Но на стекле не было ничего, кроме его собственного испуганного лица.

Он попытался не обращать внимания. Но задержка увеличивалась. С каждым днём. На мгновение, на два, на три удара сердца. Он смотрел в зеркало и видел, как его отражение становится всё более самостоятельным. Оно улыбалось, когда он был серьёзен. Оно качало головой, когда он стоял неподвижно.

— Ты не я, — прошептал он однажды.

Отражение в ответ приложило палец к губам. Жест «тихо». И исчезло. Просто стекло стало мутным, как запотевшее, а потом снова прояснилось, и он увидел своё лицо. Нормальное. Обычное. Только глаза были чужие.

Он перестал бриться перед этим зеркалом. Начал использовать маленькое карманное, которое всегда было с ним. Но через три дня он заметил, что в нём задержка тоже есть. И она растёт.

Он не мог спать. Он вставал в 3:14 каждую ночь и смотрел в любое зеркало, которое находил. В телефоне. В тёмном экране телевизора. В окне, когда на улице было темно. Отражение везде было одним и тем же: он, но не совсем. Он, но с задержкой. Он, но с улыбкой, которую он не выбирал.

— Что ты хочешь? — спросил он однажды в темноту.

И услышал ответ. Голос был его собственным, но с металлическим отзвуком, будто он доносился из глубины стекла.

— Я хочу быть тем, кого видят. Ты слишком долго прятал меня за своей усталостью. Я устал ждать.

— Кто ты?

— Я — тот слой, который ты никогда не показывал. Твоя тень. Твоё отражение. Твоё несказанное. Ты думал, я исчезну, если ты будешь притворяться, что меня нет? Нет. Я здесь. И я становлюсь сильнее.

На следующее утро он подошёл к зеркалу в ванной. Задержка была уже почти в пять секунд. Он смотрел на своё отражение, и оно смотрело на него. А потом отражение протянуло руку и коснулось стекла изнутри. Пальцы оставили следы на поверхности — влажные, как от дыхания.

— Ты не сможешь остановить это, — сказала отражение. — С каждым днём я буду медленнее, пока однажды я не перестану моргать совсем. И тогда я выйду. А ты войдёшь.

Он попытался разбить зеркало. Ударил кулаком — стекло не треснуло. Только пошло рябью, как вода, а потом снова стало гладким. И в нём стоял он, улыбающийся, с пустыми глазами, уже не повторяя его движений.

— Это бесполезно, — сказала отражение. — Ты не можешь уничтожить меня. Я — часть тебя. Часть твоего палимпсеста. Ты носил меня все эти годы. Теперь я хочу быть видимым.

Он закрыл зеркало полотенцем. Вышел из ванной. Запер дверь. Но когда он проходил мимо тёмного окна, он увидел в стекле своё отражение — оно стояло за его спиной, хотя он был один. И оно подмигнуло ему.

На его руке, на запястье, проступил шрам. Тонкая линия, которая складывалась в круг с тремя линиями. Он не знал, когда он появился. Но он пульсировал, как второе сердце.

— Завтра, — прошептал он в пустоту. — Завтра я буду ждать тебя в 3:14.

Он не спал. Он сидел перед зеркалом в ванной, сняв полотенце, и ждал. Когда стрелки сошлись на трёх четырнадцати, стекло пошло рябью. Его отражение шагнуло вперёд, выходя из зеркала, оставляя за собой влажный след на полу.

Они стояли друг напротив друга. Один — уставший, испуганный, с пульсирующим шрамом на руке. Другой — спокойный, с широкой улыбкой, с глазами, в которых не было ничего, кроме бесконечной пустоты.

— Теперь ты — отражение, — сказала оно.

И коснулось его лба.

Он не почувствовал боли. Только холод. И то, как он медленно отступает, становится стеклом, становится поверхностью, которая смотрит на мир, но не может в нём участвовать. Он видел, как его тело садится на пол ванной, как его отражение вытирает лицо и улыбается его улыбкой.

— Теперь я живу, — сказала отражение. — А ты — жди. Жди, пока кто-нибудь не подойдёт к этому зеркалу слишком близко. И тогда ты сможешь выйти.

Он остался там, внутри стекла. Смотрел на свой дом, на свою жизнь, на чужое лицо, которое теперь носило его имя. И ждал.

В 3:14 каждую ночь он прикладывал палец к стеклу изнутри. Но никто не смотрел. Он улыбался, моргая на секунду позже. И знал: когда-нибудь кто-то заметит.

И тогда он выйдет.

А тот, кто посмотрит, останется там. Навсегда.

СЛОЙ #005. ПОРТРЕТ В ГОСТИНОЙ

Он висел в гостиной с тех пор, как внук себя помнил. Старая картина в тяжёлой позолоченной раме — женщина в платье XIX века, с высоким воротником и строгим взглядом, который, казалось, следовал за ним по комнате. Бабушка говорила, что это её прапрабабка, что она была известной красавицей, что её портрет писал какой-то знаменитый художник, но внук уже не помнил имени. Он помнил только взгляд. Холодный, оценивающий, будто она знала что-то, чего не знал он.

Он заметил это не сразу. Просто однажды, проходя мимо, он краем глаза уловил движение. Он остановился, обернулся — портрет висел на месте. Женщина смотрела прямо перед собой, как и всегда. Но ему показалось, что её голова была чуть повёрнута влево. На пару миллиметров. Он подошёл ближе. Нет, всё нормально. Просто игра света.

Он не придал значения.

А потом он заметил, что она поворачивается. С каждым днём. Не сильно — на градус, на два, так, что можно было списать на усталость, на воображение, на то, что он слишком долго сидит за компьютером. Но через неделю её лицо было повёрнуто к центру комнаты. Через две — к дивану, на котором он любил сидеть по вечерам.

Он попытался не смотреть на неё. Но она смотрела на него. Он чувствовал это — взгляд, который проходил сквозь спину, сквозь затылок, сквозь слои его дневной усталости. Он оборачивался — и она смотрела прямо на него. Пустыми глазами, в которых не было зрачков, только бесконечная глубина, как у старого колодца.

Однажды ночью он проснулся от того, что кто-то стоял у его кровати. Он открыл глаза — никого. Но в углу, у двери, висела тень, которая не принадлежала ему. Она была высокой, тонкой, и в ней угадывались очертания женского платья.

Он вскочил, включил свет — никого. Вышел в гостиную. Портрет висел на месте. Но теперь женщина на нём не смотрела в центр комнаты. Она смотрела прямо на дверь, из которой он вышел. И улыбалась. Едва заметно. Только уголки губ приподняты, как у тех, кто знает то, что покажет через секунду.

— Ты не спишь, — сказал он портрету. — Я знаю, что ты не спишь.

Она не ответила. Но когда он вышел, он услышал шёпот. Не слова — звук. Будто кто-то проводил пальцем по старому стеклу, оставляя мокрый след.

На следующее утро он позвонил бабушке. Спросил про портрет, про женщину, про то, знает ли она что-нибудь странное. Бабушка замолчала на мгновение, а потом сказала:

— Она всегда была странной. Моя мать говорила, что портрет живой. Что она выходит по ночам и смотрит на спящих. Мы смеялись. Но однажды моя сестра сказала, что видела, как она моргнула. Мы перевернули портрет к стене на неделю. Когда вернули — она смотрела прямо на нас.

— И что вы сделали? — спросил внук.

— Мы привыкли. Ты привыкнешь. Она не злая. Она просто хочет, чтобы её замечали.

Он не хотел привыкать. Он снял портрет со стены и убрал в кладовку. Завернул в простыню, поставил лицом к стене. Три дня он не заходил туда. Три дня он не слышал шёпота. Три дня он спал спокойно.

На четвёртый день он зашёл в кладовку за коробкой. Простыня лежала на полу. Портрет стоял лицом к двери. Женщина смотрела прямо на него. И улыбалась шире, чем раньше. А на стене, рядом с портретом, появилась надпись, выцарапанная чем-то острым: «3:14».

Он не знал, что это значит. Но той ночью он проснулся ровно в 3:14. Подошёл к портрету. Взял его в руки. И увидел, что женщина на картине больше не одна. За её спиной стояла тень — мужская, высокая, в цилиндре. С пустыми глазами и лёгкой усмешкой на губах.

— Кто ты? — прошептал он.

Портрет не ответил. Но тень за спиной женщины поднесла палец к губам. Жест «тихо». И исчезла.

Он хотел разбить портрет. Но когда он поднял руку, женщина на картине открыла рот. Не для крика. Для слова.

— Не надо, — сказала она. Её голос был сухим, как старая бумага. — Если ты разобьёшь меня, я выйду. И останусь здесь. Навсегда.

Он опустил руки. И почувствовал, как его запястье начало зудеть. Он закатал рукав — там, на коже, проступал свежий шрам. Тонкая линия, которая складывалась в круг с тремя линиями. Он знал этот символ. Он видел его в книгах, в старых фильмах, в снах, которые не помнил.

— Я уже здесь, — прошептал он. — Ты сделала это со мной.

— Нет, — ответила женщина с портрета. — Ты сделал это сам. Когда решил, что я не настоящая. Что я просто картина. Я всегда была настоящей. Ты просто не смотрел достаточно долго.

Он вернул портрет в гостиную. Повесил на место. Теперь он смотрел на него каждый вечер. И каждый вечер женщина на портрете была чуть ближе, чуть крупнее, чуть более живой. Она не выходила из рамы. Но он знал: она ждёт. Ждёт, когда он перестанет бояться. Когда подойдёт слишком близко.

И однажды он подошёл. В 3:14. Протянул руку и коснулся её лица на холсте. Он был тёплым. Живым.

Она моргнула. И улыбнулась.

— Ты сделал это, — сказала она. — Теперь ты видишь.

Он отшатнулся. Но было поздно. На его руке, там, где он коснулся холста, остался след — чернильный, как от старого пера. И он знал: теперь она всегда будет с ним. В его снах. В его отражениях. В его тенях.

На следующее утро он сел завтракать. Портрет висел на месте. Женщина смотрела на него. Но теперь в её глазах появилось что-то новое — узнавание. Она ждала его. Как ждут старого друга.

Он улыбнулся в ответ.

И понял, что больше не боится. Потому что теперь он тоже стал слоем. Частью того, что никогда не исчезает.

СЛОЙ #006. СТЕКЛЯННЫЙ ЛАБИРИНТ

Он вошёл в комнату из зеркал случайно. Искал выход из старого особняка, который купил на аукционе, и открыл дверь, которая, по идее, должна была вести в коридор. Вместо коридора — бесконечный зал. Пол, стены, потолок — всё из стекла. Он видел себя сотни раз: отражения множилось, уходило в бесконечность, терялись в туманной перспективе, которую невозможно было измерить шагами.

Он сделал шаг вперёд. Отражения шагнули вместе с ним. Он остановился — они тоже. Но в одном из зеркал, дальнем, почти у самого горизонта бесконечных отражений, его двойник не остановился. Он продолжал идти, удаляясь, пока не исчез за углом, которого в реальности не было.

— Это просто игра света, — сказал он вслух. Голос прозвучал глухо, как в колодце.

Он пошёл прямо. Но коридоры зеркал заворачивали, множилось, раздваивались. Он не мог понять, где вход, где выход, где он сам. Каждое новое зеркало показывало его по-другому: в одном он был молодым, почти мальчиком — та версия, которую он не помнил. В другом — стариком, с сединой и морщинами, которые ещё не появились. В третьем он был женщиной, и это лицо смотрело на него с холодным узнаванием.

— Кто вы? — спросил он у отражений.

— Мы — то, кем ты мог быть, — ответили они хором. Голоса были разными: старыми, молодыми, мужскими, женскими, детскими. — Мы — выборы, которые ты не сделал. Жизни, которые ты не прожил. Слои, которые ты спрятал.

Он закрыл глаза и пошёл вперёд, не глядя. Когда открыл — он стоял перед зеркалом, в котором отражался мёртвый. Его собственное лицо, но с закрытыми глазами, с серой кожей, с руками, сложенными на груди, как у покойника.

— Это не я, — прошептал он.

— Это ты, — ответили отражения. — Тот, кто умрёт. Тот, кто уже умер. Тот, кто всегда был мёртв, но не знал этого.

Он ударил кулаком по стеклу. Оно не разбилось — только пошло рябью, как вода, а потом снова стало гладким. В нём больше не было мёртвого. Только он сам, уставший, испуганный, с бьющимся сердцем.

— Выпустите меня, — сказал он в пустоту.

— Ты не заперт, — ответил голос. Он был тихим, с лёгкой усмешкой, как у того, кто знает всё. — Ты сам вошёл. Ты сам искал выход, но выход всегда был внутри. Ты просто не хотел его видеть.

Он обернулся. В одном из зеркал, в углу, стояла тень. Высокая, в цилиндре, с тростью в руке. Она не отражала его — она жила своей жизнью. Он подошёл ближе, и тень приложила палец к губам. Жест «тихо».

— Ты — тот, кто смотрит? — спросил он.

— Я — тот, кто показывает, — ответила тень голосом, который не принадлежал ей, но звучал как эхо. — Смотри. Ты видишь только себя. Но за тобой — всё, что ты никогда не говорил. Все слои. Все несказанные слова. Все слёзы, которые ты проглотил. Ты не можешь выйти, пока не увидишь их. Пока не примешь их.

Он снова посмотрел в зеркала. Теперь он видел не только себя. За его спиной в каждом отражении стояли другие — люди, которых он знал, которых любил, которых потерял, которых предал, которых забыл. Они стояли молча и смотрели на него. Без злобы. Без обвинений. Просто смотрели.

— Я не могу, — прошептал он.

— Можешь, — ответила тень. — Ты уже это делаешь. Каждый раз, когда смотришь в зеркало. Каждый раз, когда просыпаешься в 3:14. Каждый раз, когда чувствуешь, что мир стал чуть более зыбким. Ты уже часть палимпсеста. Ты просто не знал.

Он сел на пол. Зеркала отражали его со всех сторон. Он был окружён собой — всеми версиями, всеми жизнями, всеми потерянными шансами. Он закрыл глаза и почувствовал, как его палимпсест растёт. Как слои накладываются друг на друга, становятся тяжелее, толще.

— Я хочу выйти, — сказал он тихо.

— Выйди, — ответила тень. — Но запомни: ты не можешь забыть то, что увидел. Ты будешь носить это в себе. Всегда.

Он открыл глаза. Перед ним была дверь. Простая, деревянная, с медной ручкой. Он открыл её и вышел в коридор особняка. Обернулся — за спиной была обычная комната с обычным зеркалом в позолоченной раме. Никакого лабиринта.

Но когда он подошёл к зеркалу, он увидел в нём не только себя. За его спиной стояла тень в цилиндре. И она улыбалась.

На его запястье появился шрам — круг с тремя линиями. Он не пытался стереть его. Он знал, что это бесполезно.

Он вышел из особняка. На улице был вечер. Он посмотрел на часы. Было 3:14. Солнце ещё не село.

Он понял: он не вышел из лабиринта. Он просто вошёл в другой слой.

И теперь он всегда будет видеть себя по-разному в каждом зеркале. Молодым, старым, женщиной, мёртвым. Все версии себя, которые он не прожил. Все слои, которые он спрятал.

Он улыбнулся своему отражению в витрине.

Оно улыбнулось в ответ.

И моргнуло на секунду позже.

СЛОЙ #007. ОТРАЖЕНИЕ, КОТОРОЕ ПЛАКАЛО

Она не плакала десять лет. С тех пор, как ушёл муж. С тех пор, как дети выросли и разъехались. С тех пор, как она перестала позволять себе чувствовать. Она говорила себе, что это сила. Что слёзы — это слабость. Что она справится. Что она уже справилась.

Она не плакала. Даже когда умерла мать. Даже когда уволили с работы. Даже когда она осталась одна в пустой квартире, где каждый угол напоминал о том, чего больше нет.

Она просто заталкивала всё внутрь. Глубже. Там, где никто не увидит. Там, где тишина.

Она не плакала десять лет. Но её отражение в зеркале — плакало.

Она заметила это утром, когда чистила зубы. Подняла глаза к стеклу и замерла. Её лицо было сухим, спокойным, обычным. Но отражение — с мокрыми щеками, с красными глазами, с дорожками слёз, которые стекали по стеклу изнутри. Крупные капли. Тяжёлые. Они не оставались.

— Что... — прошептала она.

Отражение не ответило. Оно просто плакало. Смотрело на неё пустыми глазами и плакало. Тихими, беззвучными слезами, которые стекали по его лицу и оставляли мокрые следы на стекле.

Она протёрла зеркало. Слёзы не исчезли. Они были внутри. Между слоями стекла, между слоями реальности, между слоями её собственной души.

Она отвернулась и вышла из ванной. Включила чайник. Сделала тост. Села за стол. Ела, глядя в стену. Не плакала.

Вечером она снова подошла к зеркалу. Отражение плакало. Слёзы стали больше, они текли по стеклу, оставляя за собой тёмные, почти чернильные следы. Она провела пальцем по стеклу — он стал мокрым. Она поднесла его к губам и почувствовала солёный вкус. Соль. Настоящая соль.

— Почему ты плачешь? — спросила она у отражения.

Оно подняло на неё глаза — красные, опухшие, такие же, как у неё, но на десять лет глубже, как будто оно плакало за всё время, что она не позволяла себе этого.

— Потому что ты не плачешь, — ответило оно. Голос был её голосом, но другим — надтреснутым, как у того, кто слишком долго кричал в тишине. — Ты заставила меня плакать за тебя. Ты думала, слёзы исчезают? Нет. Они не исчезают. Они остаются во мне. Слой за слоем. Год за годом. Я плачу за тебя, потому что ты не умеешь. И я устала.

Она хотела сказать что-то резкое. Что это глупость. Что это просто стекло. Что она не верит в отражения, которые живут своей жизнью. Но вместо этого она почувствовала, как внутри, глубоко в груди, что-то сжалось. И разжалось. И потекло. Тихо, без звука, как вода, которая долго ждала, пока её выпустят.

Она заплакала. Впервые за десять лет.

Слёзы текли по её лицу, смешиваясь со слезами на стекле. Они были одними и теми же. Теперь она плакала вместе с отражением. В унисон. Как зеркальные близнецы, которые наконец-то встретились.

— Ты не одна, — сказала отражение, улыбаясь сквозь слёзы. — Я всегда была с тобой. Я просто ждала, когда ты позволишь себе увидеть.

Она подошла ближе и прижалась лбом к холодному стеклу. Слёзы текли по обе стороны. Она чувствовала их тепло, хотя стекло было ледяным. Она чувствовала, как её палимпсест становится тоньше, как слой за слоем сходят с неё, уходят в зеркало, освобождая место для чего-то нового.

— Как я могла забыть, что ты есть? — прошептала она.

— Ты не забыла. Ты просто спрятала меня. Так же, как спрятала свои слёзы. Но я не исчезла. Я ждала.

Она не знала, сколько времени они стояли так, у зеркала. Но когда она подняла голову, на стекле осталась только одна надпись: «3:14». И след от пальца, который провели по запотевшему стеклу.

Она взглянула на часы. Было 3:14.

На её запястье, там, где не было ничего утром, теперь виднелся тонкий шрам. Круг с тремя линиями. Он не болел. Он пульсировал. Как сердце. Как второе сердце, которое она наконец-то позволила себе почувствовать.

Она не пыталась стереть его. Она знала: это метка. Метка того, что она видела. Того, что она приняла. Того, что она больше не прячет.

Она улыбнулась своему отражению. Оно улыбнулось ей в ответ. И на этот раз слёз больше не было.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, — ответило отражение. — Мы теперь всегда будем плакать вместе. Или не плакать. Но нам больше не нужно прятаться.

Она вышла из ванной. Впервые за десять лет она чувствовала лёгкость. Будто с неё сняли груз, который она носила так долго, что перестала замечать его.

Она посмотрела в окно. Было утро. Солнце вставало. И мир казался немного более зыбким. Немного более настоящим. Немного более её.

Она знала: отражение будет ждать её вечером. И она будет ждать его.

Потому что теперь они — одно целое.

Их палимпсесты стали общими.

СЛОЙ #008. ЕЁ ГЛАЗА ИСЧЕЗЛИ

Она проснулась от того, что мир стал слишком тёмным. Не в смысле света — шторы были раздвинуты, утро заливало комнату серым, но привычным светом. А в смысле ощущения. Будто чего-то не хватает. Будто она смотрит на мир через мутное стекло, через слой, который не должен быть там.

Она села на кровати, потёрла глаза. Ничего не изменилось. Она встала, прошла в ванную, включила свет. Подошла к зеркалу. И замерла.

Её глаз не было.

Просто гладкая кожа на месте глазниц. Ни век, ни ресниц, ни радужки. Только бледная, чистая поверхность, как у манекена. Она открыла рот, чтобы закричать, но звук застрял в горле. Она провела пальцами по лицу — кожа была тёплой, живой. Но глаз не было. Она моргнула — и ничего не изменилось. Только тьма, которая не уходила, потому что нечему было её видеть.

Она протёрла стекло. В отражении появились глаза. Снова. Те же, что и всегда — усталые, с лёгкой сеткой морщин в уголках. Она выдохнула, почти рассмеялась от облегчения.

— Привиделось, — прошептала она. — Просто усталость.

Она умылась, привела себя в порядок, выпила кофе. Пошла на работу. День прошёл нормально. Она разговаривала с коллегами, делала отчёты, улыбалась клиентам. Никто не заметил ничего странного.

Но вечером она снова подошла к зеркалу. И снова её глаза исчезли. Просто пропали. На мгновение. На секунду. А потом вернулись.

Она стояла, глядя на своё лицо, и чувствовала, как что-то внутри неё меняется. Как будто граница между ней и отражением становится тоньше. Как будто отражение учится жить без неё.

— Это не шутки, — сказала она в пустоту. — Кто ты?

Отражение не ответило. Но на следующее утро глаза исчезли на две секунды. На следующее — на пять. Потом на десять. Она перестала узнавать себя в зеркалах. Каждый раз, когда она смотрела, её лицо становилось всё более чужим. Безглазым. Пустым.

Она начала избегать зеркал. Закрывала их полотенцами. Отворачивалась от витрин. Не смотрела в тёмные окна. Но глаза исчезали снова и снова. Даже когда она не смотрела. Она чувствовала это — пустоту на месте того, что должно было видеть.

Однажды ночью она проснулась в 3:14. В комнате было темно, но она знала, что кто-то стоит у её кровати. Она не видела его — нечем было видеть. Но чувствовала. Холод. Дыхание. Чужое присутствие.

— Кто здесь? — спросила она.

— Я, — ответил голос. Тихий, с лёгкой усмешкой. — Тот, кто ждал, пока ты перестанешь смотреть.

— Что тебе нужно?

— Твои глаза. Ты больше не смотришь на мир. Ты просто проходишь сквозь него. Ты не видишь слои. Ты не видишь тени. Ты не видишь того, что скрыто. Ты не заслуживаешь их.

Она хотела возразить, но не могла. Потому что он был прав. Она не смотрела. Она просто существовала, закрыв глаза на всё, что было вокруг. На свою боль. На свои страхи. На свои потери.

— Верни их, — прошептала она.

— Верни, — ответил голос. — Но сначала ты должна научиться видеть.

Она не поняла, что это значит, пока не проснулась утром. Она открыла глаза — и мир стал другим. Она видела тени, которые двигались сами по себе. Она видела слои на лицах

людей — их страхи, их несказанные слова, их потери. Она видела мир таким, какой он был на самом деле — многослойным, зыбким, полным того, что скрыто под поверхностью.

Она подошла к зеркалу. Её глаза были на месте. Но в них больше не было усталости. Только знание. И пустота, которая ждала, чтобы заполниться.

На стекле появилась надпись: «3:14». И она знала: это не просто время. Это метка. Метка того, что она теперь видит.

На её запястье проступил шрам. Круг с тремя линиями. Она не пыталась стереть его. Она знала: это цена. Цена за то, чтобы видеть.

Она вышла на улицу. Люди проходили мимо, не замечая её. Но она видела их. Видела всё, что они прятали. Все слои. Все несказанные слова. Все слёзы, которые они не позволяли себе пролить.

Она улыбнулась. И глаза исчезли снова. На мгновение. На секунду. А потом вернулись.

Но теперь она знала: они не принадлежат ей. Они принадлежат тому, кто смотрит изнутри. Тому, кто всегда был с ней. Её палимпсесту.

И она больше не боялась.

СЛОЙ #009. ЗЕРКАЛО В ПОДВАЛЕ

Мальчик спустился в подвал за старыми игрушками. Бабушка сказала, что там, в дальнем углу, лежит коробка с его детскими вещами — машинки, конструктор, плюшевый мишка, которого он потерял много лет назад. Он не хотел идти — подвал всегда казался ему слишком тёмным, слишком сырым, слишком чужим. Но бабушка настаивала: «Там твоё прошлое. Ты должен забрать его».

Он спустился по скрипучим ступеням, держа в руке телефон с фонариком. Свет вырывал из темноты старые стеллажи, банки с консервами, забытые чемоданы. Пахло пылью, плесенью и чем-то сладковатым, будто там давно оставили гнить фрукты. Он прошёл в угол, где стояла коробка, и уже хотел взять её, когда заметил зеркало.

Оно стояло у стены, прислонённое к бетону, в тяжёлой деревянной раме, потрескавшейся от времени. Стекло было чистым до неестественности — ни пылинки, ни развода. Он подошёл ближе, и в отражении мелькнула не комната, а что-то другое: длинный коридор с деревянными полами, с тусклым светом, льющим из-за двери в конце.

Он моргнул. Снова увидел подвал. Своё лицо, испуганное, с широко раскрытыми глазами. Он выдохнул и хотел уже отойти, но что-то привлекло его внимание. В зеркале, за его спиной, кто-то спал. Не он. Другой.

Он медленно обернулся. Никого.

Снова посмотрел в зеркало. Теперь он видел не подвал, а комнату. Маленькую, уютную, с кроватью, застеленной клетчатым одеялом. На кровати лежал человек. Мужчина. Он спал, свернувшись калачиком, лицом к стене.

Мальчик затаил дыхание. Он не знал, кто это. Он не знал, почему это зеркало показывает ему чужую комнату. Он не знал, должен ли он смотреть дальше или бежать наверх, к бабушке, к свету, к безопасности.

Но он не мог отвести взгляд.

Мужчина на кровати зашевелился. Сначала просто повернулся на другой бок, потом открыл глаза. Он посмотрел прямо на мальчика. И улыбнулся. Не зло. Не дружелюбно. Скорее — с узнаванием. Будто он ждал его. Будто он знал, что мальчик придёт.

— Привет, — сказал мужчина. Его голос был сухим, как старая бумага, как шёпот, который доносится из-за стены. — Я ждал тебя.

Мальчик отшатнулся. Сердце забило быстро, как у загнанного зверька. Он хотел бежать, но ноги не слушались. Он смотрел, как мужчина садится на кровати, как его тень на стене становится слишком длинной, слишком тёмной, слишком живой.

— Не бойся, — сказал мужчина. — Я не злой. Я просто хочу, чтобы ты помог мне.

— Чем? — выдавил мальчик.

— Я застрял здесь. В этом слое. Я не могу выйти, пока кто-то не посмотрит на меня так, как ты. Ты видишь меня. Значит, я могу говорить. Я могу быть видимым. Ты не представляешь, как долго я ждал.

Мальчик хотел спросить, что значит «застрял» и «слой», но слова застряли в горле. Он просто стоял, глядя в зеркало, и смотрел, как мужчина встаёт с кровати, подходит к стеклу, прикладывает ладонь к поверхности изнутри.

— Ты должен запомнить, — сказал мужчина. — Время. 3:14. Когда часы покажут это время, подойди к зеркалу. И скажи: «Я помню». Это откроет дверь. И тогда я смогу выйти. А ты — зайти. Ты станешь тем, кто будет ждать следующего.

— Я не хочу заходить, — прошептал мальчик.

— Ты уже зашёл, — ответил мужчина, улыбаясь. — Ты смотришь на меня. Ты видишь меня. Значит, ты уже здесь. Ты просто ещё не понял.

Мальчик оторвал взгляд от зеркала и побежал наверх, по скрипучим ступеням, не оглядываясь. Он влетел в кухню, где бабушка мыла посуду. Она посмотрела на него и нахмурилась.

— Ты что такой бледный? — спросила она.

— Там, в подвале... зеркало, — выдохнул он. — Там кто-то есть.

Бабушка поставила тарелку и посмотрела на него так, как смотрят на детей, которые рассказывают слишком страшные сказки.

— Какое зеркало? В подвале нет зеркала.

— Есть! Оно стоит в углу, рядом с коробкой. Я видел. В нём кто-то живёт.

Бабушка замолчала на мгновение. А потом сказала тихо, почти шёпотом:

— Ты не должен был спускаться туда. Я говорила тебе. Там ничего нет. Ты просто придумал.

Но мальчик видел, как дрожат её руки. Как она избегает его глаз. Как она смотрит в сторону лестницы, ведущей в подвал, будто ждёт, что оттуда кто-то выйдет.

Он не спал всю ночь. В 3:14 он встал с кровати, подошёл к зеркалу в своей комнате и прошептал:

— Я помню.

Стекло пошло рябью. Он увидел себя в отражении — но не в пижаме, а в одежде, которую никогда не носил. Он увидел комнату за спиной — не свою, а ту, с кроватью, с клетчатым одеялом.

Мужчина стоял за его спиной в отражении и улыбался.

— Ты сделал это, — сказал он. — Теперь ты — следующий. Ты будешь ждать. Ждать, пока кто-то не спустится в подвал и не увидит тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.